

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	5
Глава 1.....	65
Глава 2.....	122
Глава 3.....	161
Глава 4.....	218
Глава 5.....	259
Глава 6.....	306
Глава 7.....	368
Глава 8.....	412
Глава 9.....	462
Глава 10.....	486
Глава 11.....	508
Глава 12.....	555
Эпилог.....	566

ПРОЛОГ

1

Всего одна трель губной гармошки.

В ночной тьме.

Так внезапно она зазвучала и так внезапно умолкла, что застала врасплох, ошпарила испугом.

Ли Чжиюн вздрогнул и, не удержав руль, потерял баланс, да тут еще и мокрая от осеннего ливня дорога сыграла свою роль. Он соскользнул с велосипеда, и повезло еще, что успел упереться ногой в землю, иначе и велосипед бы упал вслед за ним.

Он поднял голову. Было уже десять вечера, однако для этого времени небо оставалось необычно светлым — лишь кое-где успели стуситься темно-серые сумерки. В свете дорожных огней беспорядочно плясали капли дождя, и каждая обжигала холодом.

Вновь оседлав велосипед, он вдруг ощутил, что больше не в силах смотреть на тянущуюся вверх по склону дорогу. Она была некрутой, но очень длинной; в любое другое время он предпочел бы сделать большой крюк, чем ехать здесь, но сегодня так было нельзя. Сегодня в конце этой дороги, в парке Ваньюэ Юань, его кое-кто ждал.

И тогда он пошел вперед пешком, толкая велосипед рядом. Этот черный велосипед марки «Юнцзю-26» он купил еще

Хуянь Юнь

в университете и до сих пор ездил на нем на работу — вещь крепкая, надежная. Многие его убеждали, мол, давно уж велосипеды со стальным каркасом вышли из моды, любая модель из алюминиевого сплава будет куда легче, но ему было жаль с ним расставаться, он любил его, словно давнего друга. И только в этот момент подумал, что ползти в гору с этим тяжелым «другом» — учитывая то, что и сам он человек в теле, — это как медведю подниматься на склон с огромным камнем в лапах. Глупость, да и только.

На черные резиновые колеса, катившиеся по мокрой дороге, налипли какие-то цветные ленточки и блестяшки — в Парке скульптур, что в паре улиц отсюда, не так давно давала концерты группа «Виннерз», и эту мишуру, наверное, оставила после себя толпа расходившихся по домам фанатов. По обеим сторонам дороги выстроились разные заведения: ресторан хого «Фэйхуа», аптека «Цзяшитан», магазин одежды «Илайкэ», рынок электроприборов пригорода Сицзяо... Они будто провожали его в последний путь: стоило ему пройти мимо, как внутри гас свет. То, как исчезали огни — один за другим, — показалось Ли Чжиюну настолько странным, что он даже остановился и обернулся назад, а потом еще огляделся по сторонам. На всей улице не то что человека — ни единой собаки не было. Тогда он поднял голову и посмотрел вверх: там, впереди, уже виднелась скульптура лунного серпа из белого мрамора, стоявшая на высоком постаменте. До парка Ванъюэ Юань оставалось недалеко.

И вдруг!

Вновь заиграл кто-то на губной гармошке; теперь это была прерывистая повторяющаяся мелодия, она замолкала и начиналась вновь, хриплая и тягучая. Будто кто-то, жаждущий выговориться, заходился рыданиями, но больше ничего сказать не мог... Отчего-то и ночная тьма словно задрожала вслед за этой печальной музыкой: забилась в судорогах, задышала холодом, задрожала, будто затаив угрозу...

Мелодия напоминала вступление к какой-то популярной песне, но он никак не мог вспомнить, к какой же.

Соженные тела на станции Саошулин

А потом все опять погрузилось в тишину.

Он долго-долго стоял замерев, пока окончательно не смолкла гармошка, пока не прекратило звучать у него в ушах эхо повторяющихся нот, пока капли дождя не омыли начисто каждый уголок этой улочки, пока во всем мире не осталось ни единого следа, ни единого отзвука этой печальной мелодии. Лишь после этого Ли Чжиюн, словно очнувшись от заклятия, размял затекшие ноги и, толкая перед собой велосипед, подошел к воротам парка Ваньюэ Юань.

Парк был маленьким, не больше футбольного поля, но из-за своего необычного расположения — он находился как раз на самом верху склона, в конце этой дороги — он стал чем-то вроде местной достопримечательности. Холм, на котором раскинулся парк, окружала каменная стена, на входе в парк высились сводчатые каменные ворота, обращенные прямо на север. За ними начинались широкие ступени, что вели к самой вершине, и там, на постаменте, лежал лунный серп из белого мрамора, на котором был вырезан профиль человека с длинной бородой — «Лунного старца». Вот только вид у этого дедушки был странный. Брови вздернуты высоко, борода развевается, словно щупальца осьминога, рот растянут в жутковатой улыбке. В ночной тьме он больше напоминал старого кладбищенского сторожа, больного витилиго.

Ли Чжиюн оставил велосипед и пошел вверх по ступенькам. Добравшись до постамента, он, утомившись и тяжело дыша, прислонился было к старцу, но капли осеннего ливня, висевшие на белом мраморе, буквально пронзили его ладонь ледяным холодом. Он быстро отстранился и вытер руку о другой рукав, а взглядом при этом искал того, с кем договорился о встрече здесь.

Это была высшая точка всего парка Ваньюэ Юань. Круглая площадь выложена мрамором, в центре — погружной фонтан с широкой чашей; настил из нержавеющей стали в сумерках отливал голубоватым светом. В южной части площади высились изогнутая дугой стена из гранита, на ней — барельеф из

Хуянь Юнь

пластика, имитирующего медь. Ли Чжиюн пересек площадь, прошел вдоль стены, однако так никого и не обнаружил. И как раз в тот момент, когда он, по своему обыкновению, сжал пальцами кончик своего широкого носа (так он делал всегда, когда попадал в затруднение), он вдруг заметил, что тот, кого он ждал, сидит себе, погрузившись в свои мысли, на темно-зеленой скамье за площадью, а в руке у него губная гармошка. Брызги дождя окутывали его серебристым сиянием.

— Сянмин! — окликнул Ли Чжиюн его по имени и направился к нему.

2

Линь Сянмин, похоже, был глубоко погружен в свои мысли. Когда он услышал, как его окликнули, он вздрогнул всем телом и поднял голову. Он посмотрел на Ли Чжиюна каким-то странным взглядом — то ли узнал, то ли нет... Ли Чжиюн даже, засомневавшись, уточнил:

— Эй, ты чего? Это же я, не признал?

Линь Сянмин встал со скамьи и протянул ему руку для рукопожатия.

— Что ж ты нигде не укрылся от дождя? — спросил Ли Чжиюн, нахмурившись, и посмотрел по сторонам. Только сейчас он обнаружил, что во всем парке Ваньюэ Юань нет ни единой беседки. А ведь это он предложил встретиться в таком месте и не подумал даже, что может пойти дождь. Ему стало как-то неловко.

— Ничего, дождик маленький, — отозвался Линь Сянмин с легкой улыбкой.

— Идем, идем, к югу от парка — компаунд¹ Цинга, там одно заведение есть, хоть и небольшое, но готовят там преотменно, я тебя сегодня угощаю. И даже не говори мне, что уже

¹ Частный жилой комплекс с собственной инфраструктурой, расположенной непосредственно на участке, огороженном по периметру и закрытом для прохода.

Сожженные тела на станции Саошулин

ужинал, ничего, еще поешь — как говорится, плоха та лошадь, что ночью ничего не жует, такая и вес не набирает! — приговаривая так, Ли Чжиюн спустился по ступенькам, вышел из парка, взял велосипед и, толкая его перед собой, направился к компаунду Цинта.

Линь Сянмин следовал за ним.

Сначала они шли молча, ничего не говоря, и слышно было лишь, как ритмично брякает велосипедная цепь. Ли Чжиюну от этого молчания стало как-то не по себе, и он, замешкавшись, ударился о педаль лодыжкой.

— Ай! — воскликнул он от боли.

— Ты в порядке? — уточнил Линь Сянмин.

— Да! — Несмотря на болезненный удар, Ли Чжиюн был рад, что молчание между ними наконец нарушилось. — Так это ты играл там на губной гармошке?

— Угу, — откликнулся Линь Сянмин.

— Напоминает вступление к какой-то песне... — пробурчал себе под нос Ли Чжиюн, как бы намекая, чтобы Линь Сянмин подсказал ему ответ, однако тот ничего не сказал.

Ли Чжиюн невольно бросил на него взгляд: красивое лицо спутника казалось абсолютно отрешенным.

Не человек, а загадка.

Ли Чжиюн вспомнил, как в середине расследования серийных убийств в западном пригороде, когда число жертв все росло, а у них так и не появилось ни единой зацепки, замначальника полиции Сюй Жуйлун позвонил главе следственной группы Ду Цзяньпину и сказал: «Есть у меня тут один третьекурсник из Полицейской академии Китая, он специализируется на криминальной и поведенческой психологии, отправлю его вам на помощь».

У Ду Цзяньпина в то время от этого дела уже голова кругом шла, от усталости опять вылез опоясывающий лишай, поэтому эту инициативу начальства он сперва не очень-то оценил: «У меня здесь такой бардак — черт ногу сломит, только практикантов сейчас и не хватало!»

Хуянь Юнь

«Какой он практикант! — грубо оборвал его Сюй Жуйлун. — Это помощник!»

«Помощник» в первый же день своей «помощи» попал на планерку по расследованию серийных убийств. На членов команды специалистов Линь Сянмин произвел весьма благоприятное впечатление: несмотря на свою изящную, как у девушки, красоту, он держался просто и скромно. Сперва он, присев за стол, достал ноутбук, но как только заметил, что расположившиеся рядом с ним сотрудники уголовного розыска ограничились простыми синими записными книжками, сразу же спрятал его и вынул из наплечной сумки ручку с бумагой. За все время, что шло совещание, он не сделал ни глотка воды и никоим образом не продемонстрировал недовольства тем, что несколько заядлых курильщиков изрядно надымили в комнате — хотя сам был абсолютным противником курения. Он внимательно слушал каждого выступающего, и при этом тщательно делал записи — все время планерки его ручка тихо шуршала по бумаге. Однако сам он предпочел хранить молчание вплоть до самого конца встречи. Ду Цзяньпин даже забыть о нем успел, и только когда все уже собрались расходиться, спохватился, вспомнив, что замначальника полиции ему кого-то прислал:

— Ну что, Линь, есть у вас какие-то соображения?

Линь Сянмин покачал головой.

— Ну же, не отмалчивайтесь, смысл планерки по делу как раз в том, чтобы все высказались! — улыбнулся Ду Цзяньпин. — Вас же начальство нам в помощь отправило, так давайте, помогайте!

В комнате для собраний раздался смех.

— Я здесь новенький, опыта у меня никакого нет, каждый из присутствующих годится мне в учителя. Лучше я пока вас всех послушаю, разберусь во всем, — ответил Линь Сянмин.

После собрания Ду Цзяньпин отвел нескольких полицейских в сторону и тихо попросил:

Сожженные тела на станции Саошулин

— Этот Линь Сянмин вроде вежливый парнишка, займитесь им. — И, то ли шутя, то ли всерьез, добавил, обращаясь уже к Ли Чжиюну: — А ты и сам мог бы у Линя многому поучиться, он тебя моложе, а вон какой степенный, знает, как себя вести, и соображает быстро.

Ли Чжиюн ничего не ответил, только подумал: *«Боюсь, на этот раз вы ошибаетесь»*.

Ли Чжиюну было двадцать восемь лет, и шесть из них он провел, борясь с преступностью в первых рядах уголовной полиции, успел столкнуться со многими трудностями, и мало чем его уже можно было напугать. И по возрасту, и по опыту, и по навыкам он был идеальным кандидатом на продвижение по карьерной лестнице. Именно на таких людях обычно и держался отдел, однако Ду Цзяньпину он как-то не понравился — он даже дал ему прозвище Медведь. Но вовсе не из-за того, что тот был высок и широк в плечах, нет. Причин для появления этого прозвища существовало две. Во-первых, он редко умывался и причесывался, был вечно какой-то помятый и ходил повесив голову, погруженный в мысли о работе, частенько при этом забывая посмотреть себе под ноги. Во-вторых, у него был странный характер, обычно он был угрюм и молчалив, но когда брался за расследование, то резко менялся: становился упрямым, как прицепится к какой-то детали, так за уши не оттащишь. Даже с Ду Цзяньпином, своим непосредственным начальником, не боялся вступить в открытый спор. С учетом этих особенностей... даже сам Ли Чжиюн был согласен, что прозвище Медведь ему вполне подходит. К тому же прозвища в полиции были у всех; одного полицейского вообще Тетушкой прозвали — в сравнении с ним ему было еще не на что жаловаться.

Впрочем, Ли Чжиюн только казался грубым, на самом деле он был человеком весьма внимательным к мелочам, любил поработать головой, иногда почитывал «Шерлока Холмса» и вообще старался регулярно тренировать свою наблюдательность. Например, в этот раз на планерке он внимательно

Хуянь Юнь

наблюдал за Линь Сянмином и заметил, что этот «степенный и воспитанный» парень на самом деле очень даже себе на уме.

Обычно на планерке разбирали какое-то сложное дело: высшие чины, возглавлявшие расследование, созывали сотрудников полицейского отделения, и каждый делился своим мнением. На таких собраниях высказываться мог любой, вне зависимости от звания, должности и возраста, главное, чтобы сказанное имело непосредственное отношение к расследованию. А так говорить можно было что угодно. Сама суть сыскной работы заключается в том, что полицейские, опираясь на улики и логический анализ, пытаются восстановить истинный ход событий, и до тех пор, пока дело не раскрыто, никто не знает, где скрыта истина. А потому при обсуждениях все придерживаются принципов свободы и демократии, так сказать, обращаются к коллективному разуму. Ну а если кто-то боится «сказать что-то поперек мнения начальства», как бы чего не вышло, так ему лучше вообще за такую работу не браться. И, конечно, на таких собраниях часты споры — о том, насколько надежна та или иная улика, насколько верно то или иное предположение... Все спорят с пеной у рта, но после планерки никто никому ничего не напоминает. И, несмотря на все это, когда на собрании кто-то выступает, все ему на автомате кивают — не потому, что согласны с ним и поддерживают его мнение, а скорее в знак уважения. Это своего рода привычка.

А вот Линь Сянмин... никому не кивал. Ли Чжиюн отметил, что на протяжении собрания новенький действительно всех внимательно слушал, но при этом практически ни разу не кивнул — за исключением момента, когда выступал сам Ли Чжиюн. И высказывал он тогда весьма сырую и малообоснованную теорию.

— Ранее патологоанатом и коллеги из технической группы уже отмечали, что преступление совершалось по одной и той же модели: в момент, когда жертва открывала входную (и внутреннюю, если такая была) дверь, злоумышленник

Сожженные тела на станции Саошулин

подходил сзади и оглушал ее ударом железного молотка, а потом уже затаскивал ее в бессознательном состоянии в квартиру, где насиловал и убивал. Однако мы не обратили внимания на одну деталь — на время совершения преступлений...

Ду Цзяньпин прервал его:

— Да говорили уже, что в основном нападения происходили после десяти часов вечера, поскольку убийца выбирал в качестве цели одиноких женщин, поздно возвращавшихся домой.

— Я говорю немного о другом — о том, сколько времени проходило с момента появления жертвы и до того, как преступник доставал орудие преступления и совершал нападение. — с этими словами Ли Чжиюн перелистнул презентацию, транслировавшуюся на экране, на нужные ему слайды. — Вот, посмотрите, перед вами три места преступления; во всех этих случаях злоумышленник выбрал для нападения старые малоэтажные здания — ниже шести этажей. Одно нападение произошло на третьем этаже, два — на четвертом. Я специально проверил, эти дома строились из бетонно-кирпичных конструкций, сенсорные светильники в коридорах очень чутко реагируют на любое движение. Получается, когда жертва возвращалась домой, поднималась по лестнице на нужный этаж и подходила к своей квартире, свет должен был гореть, так?

Коллеги закивали, однако во взглядах их читалось недоумение: они еще не до конца понимали, к чему же он клонит.

И только у Линь Сянмина загорелись глаза.

Ли Чжиюн это заметил, но сделал вид, будто не обратил внимания.

— А раз свет горел, значит, в коридоре должно было быть очень светло. Тогда почему же жертвы в момент, когда на них совершалось внезапное нападение, не предпринимали ни единой попытки к сопротивлению? — Он взял со стола протокол патолого-анатомического вскрытия и ткнул пальцем в один из абзацев: — Вот, смотрите, в протоколе ясно написано: первая рана у жертвы находится на затылке, это рваная